

Философия сотрудничества в институциональном проектировании: истоки, ограничения и перспективы

Е.В. Балацкий

*Центральный экономико-математический институт РАН,
Москва, Россия*

Аннотация

В статье раскрывается сущность философии сотрудничества как альтернативы конкурентным механизмам социального взаимодействия. Изложены аргументы относительно возможного широкого распространения новой философской установки институционального проектирования, проанализированы обоснованность и выполнимость. Для этого рассмотрена философская основа новой методологии, которая предполагает диалектическое единство двух сторон поведения человека – сотрудничество внутри социальной группы для обеспечения эффективной конкуренции с другой группой. Раскрыта биологическая основа феномена сотрудничества в контексте современной теории многоуровневого отбора; показано, что свойства сотрудничества и конкуренции распределены, как правило, по разным социальным уровням и что их пропорция постоянно колеблется в процессе адаптации к изменяющимся условиям. Предложена простая теоретическая схема для описания феномена сотрудничества, основанная на гипотезе зависимости уровня консенсусности принимаемых решений от агрессивности членов социальной группы, которая, в свою очередь, детерминирована экологической средой (внешним условием) и культурными установками (внутренним условием). Обсуждается перспектива широкого распространения философии сотрудничества для институционального проектирования в современном мире. С помощью анализа антропологических данных показано, что устойчивый мир между разными странами и культурами не представляется естественным явлением и требует целенаправленных усилий по преодолению врожденных поведенческих паттернов. Обосновывается возможность формирования нового мировоззрения на основе философии сотрудничества путем внедрения соответствующих культурных установок. Сделан вывод о том, что в ближайшей перспективе широкое распространение данной модели видится маловероятным вследствие обострения геополитической обстановки, ухудшения условий жизни,

и это ведет к росту агрессивности в обществе. Но такая задача выполняется на долгосрочной дистанции, достаточной для изменений биологической природы человека.

Ключевые слова: социальная философия, сотрудничество, конкуренция, гуманистическая культура, культурные установки, эволюция, агрессивность, антропология, институты, консенсус.

Балацкий Евгений Всеволодович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории математической экономики Центрального экономико-математического института РАН.

evbalatsky@inbox.ru

<http://orcid.org/0000-0002-3371-2229>

Для цитирования: Балацкий Е.В. Философия сотрудничества в институциональном проектировании: истоки, ограничения и перспективы // Философские науки. 2024. Т. 67. № 4. С. 27–46.

DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-27-46

Philosophy of Cooperation in Institutional Design: Origins, Limitations, and Prospects

E.V. Balatsky

Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article explores the essence of cooperation philosophy as an alternative to competitive mechanisms of social interaction. The author presents arguments concerning the potential widespread adoption of this new philosophical approach to institutional design, analyzing their validity and feasibility. The philosophical foundation of this new methodology is explored through the lens of dialectical unity between two aspects of human behavior: cooperation within social groups to ensure effective competition with other groups. The biological basis of cooperation is examined within the framework of contemporary multilevel selection theory, demonstrating that cooperative and competitive traits are typically distributed across different social levels, with their proportions fluctuating continuously during adaptation to changing conditions. The article proposes a simple theoretical framework for describing the phenomenon of cooperation, based on the hypothesis that the level of consensus in decision-making depends on the aggressiveness of social group members, which is determined by both ecological environment (external condition) and cultural attitudes (internal

condition). The author discusses the prospects for the widespread implementation of the philosophy of cooperation in institutional design in the modern world. Through the analysis of anthropological data, it is shown that sustained peace among different nations and cultures is not a natural phenomenon and requires deliberate efforts to overcome inherent behavioral patterns. The possibility of cultivating a new worldview based on the philosophy of cooperation is substantiated through the integration of appropriate cultural attitudes. The conclusion drawn is that, in the near term, the widespread adoption of this model appears unlikely due to escalating geopolitical tensions and deteriorating living conditions, which lead to increased societal aggression. However, achieving this objective is feasible in the long term, allowing sufficient time for changes in the biological nature of humans.

Keywords: social philosophy, cooperation, competition, humanistic culture, cultural attitudes, evolution, aggressiveness, anthropology, institutions, consensus.

Evgeny V. Balatsky – D.Sc. in Economics, Professor, Chief Research Fellow of the Laboratory of Mathematical Economics, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences.

evbalatsky@inbox.ru <http://orcid.org/0000-0002-3371-2229>

For citation: Balatsky E.V. (2024) Philosophy of Cooperation in Institutional Design: Origins, Limitations, and Prospects. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 27–46. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-27-46

Введение

В течение последних лет все более актуальной становится тематика, связанная с соотношением индивидуального и коллективного, конкуренции и сотрудничества. В этом контексте представлен цикл работ В.М. Полтеровича, в которых последовательно развивается т.н. *философия сотрудничества* применительно к экономическим, политическим и социальным аспектам жизни государства. С 2023 года эта тема оказалась в фокусе междисциплинарных и философских дискуссий. Результатом стала проведенная в мае 2024 года Отделением общественных наук РАН, Институтом социологии ФНИСЦ РАН, Институтом философии РАН и Институтом психологии РАН научная конференция «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе». Цель ее – обсуждение современной специфики процессов индивидуализации и коллективизма в российском обществе

[Давыдов 2023, 143]. Некоторые из вопросов инициированной дискуссии уже нашли отражение в публикациях [Давыдов 2024]. Однако диалектика конкуренции и сотрудничества в экономических, политических и социальных подсистемах общества остается не до конца раскрытой. В связи с этим цель статьи состоит в рассмотрении взаимообусловленности механизмов конкуренции и сотрудничества, а также попытке предложить общую теоретическую модель сопряжения исследуемых явлений. Новизна авторского подхода проявляется в синтезе известных механизмов и фактов из разных наук, в т.ч. философии, экономики, антропологии и биологии.

Вопрос, требующий ответа в рамках настоящей статьи, состоит в следующем. Можно ли рассчитывать на то, что более гуманный, а порой и более эффективный, механизм сотрудничества станет тотальным или хотя бы массовым явлением для человечества? От ответа на него зависит многое, прежде всего наше отношение к философии сотрудничества: пессимистическое или оптимистическое, скептическое или полное надежд на лучшее.

Постановка проблемы

Чтобы конкретизировать когнитивные проблемы, которые перед нами ставит философия сотрудничества, рассмотрим кратко ее основные положения, не вдаваясь в детали ряда вопросов.

Дихотомия двух режимов функционирования социальных систем определяется следующим *сущностным* образом: взаимодействие нескольких участников будем называть *сотрудничеством* (*конкуренцией*), если отказ от взаимодействия любого из них не выгоден (выгоден) каждому из остальных [Полтерович 2016, 8]. В данном случае предполагается, что сотрудничество осуществляется свободно, т.е. отсутствует принуждение к нему одних участников со стороны других путем насилия; при конкуренции, наоборот, могут быть использованы разные виды давления на участника системы. Неудивительно, что сотрудничество выглядит как более щадящий, гуманный и перспективный институт, чем и предопределено повышенное внимание к нему со стороны теоретиков.

Вторым шагом в укоренении философии сотрудничества следует признать *географический феномен* существования группы стран, реализующих, как полагают некоторые исследователи, философию сотрудничества с положительными результатами

[Полтерович 2022а]. Выделяют семь малых стран (далее будем обозначать их как группу L7 – от Little 7), в которых системно реализуется философия сотрудничества: Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Исландия, Швейцария и Нидерланды. Эти страны занимают первые места по индексу удовлетворенности жизнью (индексу счастья) и одновременно выступают лидерами по интегральному индексу качества жизни, уровню гражданской культуры и эффективности институтов. Более того, группа стран L7 образует самостоятельный кластер, в котором каждая из них превосходит представителей других кластеров не только по удовлетворенности жизнью, но и по интегральному индексу [Полтерович 2022а]. Это служит весомым аргументом в пользу «исключительности» группы L7 и ее опыта построения современных институтов. Если это предположение верно, то из него следует, что традиционные предположения об эгоистической природе человека и конкуренции как главной движущей силе прогресса, лежащие в основе экономического мейнстрима и многих политологических конструкций, приводят к искаженным представлениям о важнейших тенденциях социально-экономического развития [Полтерович 2016]. Данные предрассудки восходят к научным дискуссиям времен Ч. Дарвина и Т. Мальтуса, которые укоренились в последующих научных генерациях экономического сообщества [Кирдина-Чэндлер, Холл 2017].

Третьим шагом в философии сотрудничества стал *исторический факт* снижения уровня принуждения, встроенного в механизмы власти и конкуренции, и увеличения роли сотрудничества на протяжении известной истории человечества. Это недвусмысленно наводит на мысль об объективном эволюционном доминировании институтов сотрудничества и позволяет на новом уровне обсуждать идею мира всеобщего благосостояния [Полтерович 2018]. Поскольку ситуация складывается именно так, то можно говорить об «угасании» феномена конкуренции по мере развития человеческих сообществ. Однако впоследствии было показано, что цивилизационный цикл принуждения, охватывающий временной период от палеолита до современности, имел два разнонаправленных тренда: к увеличению уровня насилия в глубокой древности по мере развития государственности и к его уменьшению в более поздний период. Данное обстоятельство, если и не отвергает становление институтов сотрудничества, то все же отодвигает его на более отдаленную перспективу [Балацкий 2019].

Четвертый шаг в философии сотрудничества ознаменован раскрытием ее *логики* с точки зрения улучшения всех параметров социальной системы. Например, феномен стран L7 нельзя системно объяснить относительно небольшой численностью и однородностью их населения, равно как и их малой площадью территории. Гораздо более убедительным и полным оказывается объяснение, опирающееся на понятие *коллаборативных преимуществ*, под которыми понимают относительно более развитые механизмы сотрудничества в экономической, социальной и политической сферах. Сегодня принято рассматривать следующие диалектические пары институтов: в экономической сфере – либеральные и скоординированные рыночные системы; социальной сфере – капитализм акционеров и стейкхолдеров; политической сфере – мажоритарные и консенсусные демократии. В каждой из перечисленных пар первый тип опирается преимущественно на конкурентные механизмы, второй – на механизмы сотрудничества; охват заинтересованных участников процесса в институтах сотрудничества представляется гораздо большим по сравнению с конкурентными институтами. Группа стран L7 активно совершенствует механизмы сотрудничества, и, как следствие, она в меньшей мере затронута кризисом конкурентных институтов, характерным повсеместно для западных сообществ [Полтерович 2022б; Полтерович 2021а; Полтерович 2021б]. Институты сотрудничества сегодня помогают преодолеть провалы рынка, государства и парламентской демократии [Полтерович 2015]. Тем самым философия сотрудничества выступает в качестве идеологического драйвера будущих прогрессивных реформ человечества.

Перечисленные факты недвусмысленно свидетельствуют о том, что философия сотрудничества является самостоятельной и мощной силой эволюции общества. Вместе с тем остаются вопросы и сомнения относительно универсальности этой гуманистической установки. Среди них ключевыми выступают следующие контраргументы. Первый: не исключено, что сегодняшний тренд в сокращении уровня принуждения и насилия в современных обществах является временным, и вскоре он снова сменится противоположным; столкновение Запада и Не-Запада в настоящее время, когда мир снова стоит на грани ядерной катастрофы, свидетельствует об отрицании философии сотрудничества на уровне геополитики, равно как и внутри политического истеблишмента во многих странах. Второй: не исключено, что позитивный опыт группы

стран L7 в построении институтов сотрудничества является лишь счастливым исключением и не пригоден для широкого масштабирования в мировой системе; потребность крупных государств в отстаивании своих национальных интересов и поддержании внутреннего порядка разворачивает их в направлении жестких централизованных решений и деспотических политических режимов [Дзоло 2010].

Если высказанные сомнения верны, то это ставит большой знак вопроса в отношении философии сотрудничества. Чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо разобраться, от чего зависит переход от конкуренции к сотрудничеству и обратно. Причем разобраться возможно только при обращении к современным результатам разных наук: биологии, антропологии и философии.

Философские основания институтов сотрудничества

Имеющиеся антропологические данные можно интерпретировать таким образом, что человеческая природа на генетическом уровне обладает диалектической оппозицией свойств «*миролюбие – агрессивность*» (иначе – «*сотрудничество – конкуренция*»). Суть последнего состоит в следующем: *внутригрупповая кооперация* и *сотрудничество* (эусоциальность) являются оборотной стороной *межгрупповой конкуренции* [Балацкий 2024]. Эта психическая амбивалентность возникла еще в эпоху палеолита, когда люди жили небольшими группами (25–30 человек) [Сакс 2022]. Кооперация внутри отдельной группы формировалась войной между группами или индивидами, а потому одно от другого неотделимо. Можно утверждать, что сотрудничество всегда носит отрицательную коннотацию в том смысле, что оно осуществляется *кем-то против кого-то*; само по себе оно не существует. Склонность к конфликту и недоверию между конкретными людьми и их группами укоренена в человеке на генетическом уровне. К тому же два диалектических качества сопрягаются по принципу взаимного уравнивания: сильной способности внутригрупповой кооперации соположен потенциал крайнего насилия в отношении внешних групп. Это означает, что конкуренция и война как феномены *не фатальны, а контекстуальны*, т.е. необязательно, чтобы они всегда были или постоянно случались, но они возникают, если индивидууму или группе что-то угрожает. Следовательно, ощущение *идентичности*, т.е. принадлежность к одной группе и

борьба с другой группой, является глубинной природой человека и находится в основе любой социальной агрессивности.

Изложенное имеет множество важных подтверждений. Так, применительно к бизнесу и экономике еще Ф. Фукуяма указывал на то, что страны и народы со слишком сильными семейными традициями преуспевают в малом и примитивном бизнесе, а государства с большим радиусом доверия способны создавать огромные национальные и транснациональные корпорации [Фукуяма 2004]. Расширение доверия от семьи до целой нации, как правило, связано с гомогенностью населения страны. Это качество в максимальной степени присуще немцам и японцам, однако оборотной стороной их национальной солидарности во время Второй мировой войны стала крайняя жестокость к врагам. Отчасти это детерминировано тем обстоятельством, что немцы и японцы представителей чужих народов даже не воспринимали в качестве полноценных людей, к которым можно было бы проявлять милосердие [Фукуяма 2004]. Таким образом, высокая солидарность нации в деловой сфере может переходить в военные зверства в периоды войн.

Другим хрестоматийным примером амбивалентности «миролюбие – агрессивность» («сотрудничество – конкуренция») служит стремление политиков при ухудшении внутреннего положения дел в стране искать внешнего врага. Если намечается распад национального единства вследствие ухудшения жизни, то нужно обрести внешнего врага для нового витка консолидации населения. Более того, на примере России широко известна закономерность, согласно которой наибольших успехов российская нация достигает в условиях войны и мобилизации в разных сферах. Можно даже утверждать, что исчезновение внешнего врага или ослабление военного противостояния во внешней сфере способны внести вклад в распад национального единства и разрушение государства. Нечто подобное произошло с Советским Союзом, который, достигнув в 70-е годы XX века военно-стратегического паритета с США, «успокоился» и в значительной степени потерял единство элит, партии и народа, что стало одной из весомых причин политического краха 1991 года. Альтернативный пример такого явления дает сегодняшний Израиль, который в последние 20 лет отчасти потерял внутреннее единство и теперь восстанавливает его после террористического вторжения группировки ХАМАС на свою территорию; к тому

же внутренняя консолидация израильтян идет на фоне бескомпромиссности и крайней жестокости на территории Палестины не только к непосредственным врагам, но и ко всем, кто стоит на пути к достижению победы [Балацкий 2024].

Однако главный и справедливый вывод, который делает Дж. Сакс из существования амбивалентности «миролюбие – агрессивность», состоит в том, что устойчивый мир между разными странами и культурами не является *естественным* явлением; наоборот, для его достижения требуются огромные усилия и рациональный поиск путей предотвращения войн [Сакс 2022]. В каком-то смысле природа человека противостоит миру во всем мире. И это «плохая» закономерность, с которой следует считаться. Фактически при следовании философии сотрудничества человек должен всячески культивировать одно свое естественное качество, сознательно подавляя другое, такое же естественное природное начало.

Биологические и эволюционные основы философии сотрудничества

Широчайшей темой социальных наук является тема об эгоизме и альтруизме. Эгоизм, как правило, ассоциируется с конкуренцией, а альтруизм – с сотрудничеством. Однако эти идеи фигурируют и в современной теории эволюции, которая приняла форму теории многоуровневого отбора и основывается на двух базовых положениях.

Первое: естественный отбор действует на двух уровнях – *индивидуальном*, на котором отбираются индивиды в ходе конкуренции и сотрудничества внутри социальной группы, и *групповом*, на котором отбираются наиболее жизнеспособные социальные группы в ходе конкуренции между собой за имеющиеся ресурсы. Второе положение: цель отбора – это не особь, а аллель – совокупность генов, определяющих ту или иную модель поведения особей. Указанное выше означает, что два уровня естественного отбора в определенной степени противостоят друг другу. Например, индивидуальный отбор может привести к триумфу вора, обеспечивающего себе беззаботное и комфортное существование, но его действия ослабляют социальную группу, и массовое укоренение такой модели поведения рано или поздно погубит общество. И, наоборот, героизм воина может привести к его гибели, но обеспечит победу его социальной группе в силовой

конкуренции, ее дальнейшее существование, поскольку, согласно известному биологу Э.О. Уилсону, выжившие члены общества и сохранившие в себе гены героизма будут плодиться и процветать. Итоговое правило отбора заключается в следующем: эгоисты побеждают внутри группы, но группы альтруистов одерживают верх над группами эгоистов [Уилсон 2019, 63]. Э. Уилсон сформулировал это в метафорической форме: индивидуальный отбор поддерживает грехи, а групповой отбор – добродетели [Уилсон 2019, 185]. Результат сопряжения приведенных двух разнонаправленных векторов естественного отбора создает внутренний конфликт в человеческом характере, который, в свою очередь, служит источником неиссякаемой креативности человечества [Уилсон 2019]. Попытка раз и навсегда отдать предпочтение философии сотрудничества и альтруизму может привести к творческому параличу наций и народов, что недопустимо.

Обратим внимание на то, что понятие выживания в теории многоуровневого отбора имеет расширительное звучание. Сохраняемой ценностью выступает не конкретный *индивид*, а продуцируемая им *модель* поведения и созидания, т.е. некая нематериальная конструкция. Нельзя не обнаружить глубинной аналогии с экономическими процессами, в которых передовые технологии и институты распространяются по всей системе. Их создатели и владельцы в большинстве случаев остаются неизвестными, или о них быстро забывают. Однако процесс диффузии технологий и институтов, продолжая биологические закономерности, подводит нас к пониманию важной истины: любая передовая технология (институт) не является самоцелью, поскольку со временем она будет заменена другой более современной технологией (институтом). Следовательно, технологии и институты, равно как и генетические аллели, служат лишь средством приспособления человечества к текущим условиям жизни и окружающей среды. Это означает, что сегодняшние институты, основанные на философии сотрудничества, завтра из-за кардинально изменившейся ситуации могут стать неэффективными и потребовать замены на сугубо конкурентные механизмы взаимодействия. Иными словами, «замораживание» институтов сотрудничества, как и конкурентных институтов, в долгосрочной перспективе будет деструктивным. В данном случае важным является то обстоятельство, что рассматриваемые две институциональные модели находятся в состоянии перманентной конкуренции друг с другом,

искусственное ограничение которой способно привести к их взрывной и разрушительной смене.

Следует также отметить, что институты и культура также подлежат взаимной адаптации. В обычном эволюционном процессе осуществляется своевременная «притирка» институтов к изменяющейся культуре. Если институты заметно отстают от культуры или при проведении реформ, наоборот, существенно обгоняют ее, то это чревато возникновением неэффективных институтов с образованием т.н. институциональных рубцов, наличие которых в большом количестве характерно для России [Плискевич 2023].

Стилизованная теория многоуровневого отбора не дает полного представления об эволюции, а значит, нуждается в уточнении. В действительности существуют не два уровня протекания процессов, а гораздо больше, даже бесконечно много. Семья, профессиональное сообщество, город, страна, религиозная конфессия, иные социальные градации образуют отдельные системы и сложным образом накладываются друг на друга. К тому же внутри каждого уровня одновременно действуют эгоистические и альтруистические модели поведения. В связи с этим смысл эволюционного процесса состоит в том, чтобы найти оптимальные пропорции между эгоизмом и альтруизмом на всех биологических и социальных уровнях человеческой популяции. Такая пресловутая оптимизация происходит в условиях постоянного колебания параметров экологической среды. Тем самым гибкость и подвижность пропорции между сотрудничеством и конкуренцией имеет самостоятельное значение в контексте выживания человечества.

Для понимания вреда, которое может нанести неуместная философия сотрудничества социальной группе, достаточно обратить внимание на любое силовое столкновение. При этом гораздо важнее быстрое и беспрекословное выполнение однозначных приказов, нежели поиск консенсуса в отношении сложных и неочевидных решений.

Общая схема взаимодействий: консенсус и агрессивность

Чтобы понять перспективы философии сотрудничества, попытаемся выполнить схематичное, но общее теоретическое построение. Для этого определим функцию консенсуса (K), которая задает зависимость коэффициента консенсуса в принятии определенных решений: $K = f[A(E, S)]$, где коэффициент K принимает значения

от 0 (никакие альтернативные мнения не учитываются) до 1 (учитываются все имеющиеся мнения); A – уровень агрессивности субъектов, участвующих в принятии решений; E – экологические (объективные) условия существования человеческой популяции (социальной группы); S – культурные (субъективные) установки членов популяции. Дихотомия институциональных режимов определена в таблице 1.

Табл. 1

Дихотомия институциональных режимов

Институциональный режим	Формальный признак	Наличие консенсуса
Сотрудничество	$K \approx 1$	Полный или почти полный (+)
Демократия	$0,5 < K < 1$	Частичный значительный (+/-)
Деспотия	$K < 0,5$	Частичный незначительный (-)

Из таблицы 1 видно, что демократия представляет собой частный случай частичного консенсуса, при котором меньшинство подчиняется большинству; деспотия предполагает незначительный консенсус внутри меньшинства, которое, в свою очередь, навязывает свою волю большинству. Тем самым границы между сотрудничеством и демократией, равно как и между демократией и деспотией, во многом размыты, но при определенной количественной зрелости они становятся вполне зримыми. Главный же тезис предлагаемой схемы состоит в том, что уровень консенсуса в определяющей степени зависит от агрессивности членов общества, которая при низких значениях способствует достижению договоренностей, при высоких – препятствует ему.

Правомерным будет предположить, что отрицательная агрессивность людей означает наличие такого качества, как дружелюбие или благорасположение друг к другу, а при достаточно выраженном дружелюбии (большем некоторой величины $|\varepsilon| > 0$) можно говорить о возникновении альтруизма¹. Логика этого процесса представлена в таблице 2.

¹ Иногда в литературе используют понятия жесткого (неосознанного и не учитываемого субъектом) и мягкого (осознанного и учитываемого) альтруизма [Уилсон 2015, 227–229]. Последний выступает в качестве разновидности эгоизма. Здесь и далее данное деление не учитываем. Речь идет преимущественно о жестком альтруизме, хотя на окончательные выводы это не влияет.

Связь институтов и эмоций

Тип институтов	Условия реализации	Тип взаимодействия	Тип эмоции
Сотрудничество	$A < -\varepsilon$	Дружелюбие	Альтруизм
Конкуренция	$-\varepsilon < A < \varepsilon$	Толерантность	Эгоизм
	$A > \varepsilon$	Враждебность	

Из таблицы 2 следует, что сотрудничество становится возможным лишь при наличии альтруизма и недостижимым при крайних формах эгоизма, высокой агрессивности. Но, если это так, то все зависит от уровня агрессивности. Последний, в свою очередь, определяется внешними (окружающей средой) и внутренними (характером индивидов) факторами.

Рассмотрим данные антропологии и биологии, которые говорят о том, что свойство агрессии во всех существах является врожденным. Но его проявление строго контекстно, поскольку возникает лишь в случае угрозы для индивида или популяции. С учетом изложенной позиции ухудшение экологической ситуации в широком смысле слова, как ухудшение условий жизни, вызывает почти автоматическую агрессию. Например, большая часть агрессивных реакций у представителей одного и того же вида связана с уплотнением окружающей среды; более того, в таких случаях агрессия становится функцией от плотности популяции [Уилсон 2015, 159]. Вместе с тем ранее высказана мысль о том, что культура человечества служит результатом его эволюции, а значит, культурные установки также направлены на формирование агрессии, способной обеспечить выживание популяции в опасных условиях [Уилсон 2015]. В частности, Уилсон пишет: «Культура придает агрессии определенную форму и санкционирует единство ее проявления у всех членов племени» [Уилсон 2015, 173]. Следовательно, агрессивность зависит не только от условий существования, которые могут быстро и существенно изменяться, вызывая вспышки насилия, но и от культурных установок и приобретенных навыков, отвечающих за масштаб и форму насилия. Примеров множество. Приведем лишь два из них.

У современных бушменов Калахари практически нет насилия среди взрослого населения. Однако еще в начале XX века, когда плотность популяций бушменов была гораздо выше, а центральное правительство их почти не контролировало, количество убийств на душу населения среди этого племени соответствовало

уровню преступности в таких неблагополучных американских мегаполисах, как Детройт и Хьюстон [Уилсон 2015, 155]. Другой пример дает малайзийское племя сенои, миролюбивое на протяжении многих лет. В языке представителей этого племени даже отсутствовало слово «убийство»; сенои, подпавшие под рекрутирование в солдаты, не понимали, что они должны сражаться и убивать. Однако, когда коммунистические отряды убили родственников сенои, призванных в армию и выпавших из своего миролюбивого сообщества, то их охватило «опьянение кровью», вылившееся в череду перманентных и крайне жестоких убийств [Уилсон 2015, 156].

Проявление агрессии подчиняется т.н. культурному паттерну, в соответствии с которым рост или угасание агрессии в обществе относительно равномерно распространяется на все сферы возможного проявления. Так, изучение различных сообществ показало, что войны с присущим им ростом агрессии сопровождаются мощным развитием агрессивных видов спорта и иных более щадящих форм жестокой агрессии [Уилсон 2015, 162]. Тем самым замещения одних сфер с избыточной агрессией другими сферами не происходит; наоборот, высвобождающаяся агрессия стремится к тотальности. Этот факт особенно важен при сравнении с альтруизмом, нехватка которого во внешней сфере компенсируется его избытком во внутренней; агрессия же равномерно распространяется как внутрь, так и за пределы системы.

Рассмотренное выше подводит нас к пониманию того, что настроенность общества на философию сотрудничества в определяющей степени зависит от агрессивности членов общества, которая, в свою очередь, детерминируется условиями их жизни и культурными традициями. Скорее всего, это и можно считать ограничениями, которые стоят на пути широкого распространения философии сотрудничества, равно как мира во всем мире и государства всеобщего благосостояния.

Разумеется, выполненные выше построения носят гипотетический характер. Поэтому они особенно нуждаются в соотнесении с имеющимися фактами. Далее попытаемся выполнить подобное сравнение.

Обсуждение результатов: теория и эмпирика

Первый вывод, который продуцирует предложенная теоретическая схема, состоит в том, что проектирование институтов на

основе философии сотрудничества будет бессмысленным, если для этого нет объективных оснований в форме достойного уровня жизни населения (в используемых терминах – в благоприятных экологических условиях). В противном случае благие проектировки превратятся в лозунги, на которые массы не будут реагировать. Соответственно, в периоды обострения геополитической обстановки, когда экономические войны и горячие конфликты ведут к ухудшению жизни людей, потенциал агрессивности и радикализма в обществе нарастает и препятствует становлению институтов сотрудничества. Иными словами, негативный экологический фактор в тяжелые времена перевешивает любое позитивное давление со стороны культуры, которая в подобные периоды стремится принять форму «культурного паттерна» по поддержанию воинственности населения.

Второй вывод заключается в том, что культура, несмотря ни на что, в долгосрочном периоде имеет огромное значение. Иллюстрацией к этому тезису служит обнаруженная закономерность, согласно которой распределение стран мира на группы с рыночными (западными) и нерыночными (не-западными) институтами детерминируется узким спектром климатических характеристик [Кирдина-Чэндлер 2018]. Для первых характерным является преобладание конкурентных механизмов саморегулирования в экономической, политической и социальной подсистемах (в виде рыночной экономики, федеративной политической структуры и индивидуалистической идеологии), для вторых – административных методов централизованного управления (в виде редистрибутивной экономики, унитарно-централизованной политической структуры и коммунитарной идеологии) [Кирдина-Чэндлер 2018]. Как оказывается, на территориях с относительно мягкими геотермальными характеристиками и невысокими рисками природных катастроф складываются государства с доминированием западных институтов, а на территориях с высокими перепадами в уровне осадков, температуры воздуха и высокими рисками природных катастроф преобладают централизованные (нерыночные) институциональные модели. В наших терминах это означает, что в странах с благоприятной экологией складываются рыночные (конкурентные) институты с характерным для них высоким социальным неравенством, которое при относительном избытке ресурсов не ведет к гибели значительной части населения и вместе с тем стимулирует конкурентные процессы. В странах же с небла-

гоприятной экологией рыночные институты способны привести к маргинализации больших масс населения и их последующей смерти из-за недостатка жизненно важных ресурсов. Именно поэтому в этой группе государств сформировались нерыночные (дистрибутивные) институты, которые сдерживают конкурентные процессы, искусственно сглаживают природные вызовы и за счет этого гасят потенциал протестной агрессии населения; в противном случае в указанных странах шла бы бесконечная война всех против всех. Представляется очевидным, что в основе дистрибутивных институтов находится идея социальной солидарности и сотрудничества, хотя бы и в зачаточной форме.

Таким образом, наличие в мировой системе стран с рыночными (конкурентными) и дистрибутивными (неконкурентными) институтами и механизмами служит примером того, как специфическая культура амортизирует негативную экологию и тем самым искусственно улучшает условия существования масс, стабилизирует социальную агрессию. Данный пример – лучшее подтверждение гипотезы Э. Уилсона о том, что культура сама является порождением эволюции, поскольку помогает выживать человечеству в неблагоприятных условиях [Уилсон 2015].

Далее перейдем к поставленным вопросам относительно возможности тиражирования опыта стран L7 в построении институтов сотрудничества. Проецируя на данные государства предложенную схему, можно утверждать следующее. Во всех этих странах были благоприятные экологические характеристики в широком смысле слова, включая достигнутый уровень жизни населения. Итак, первое условие для распространения философии сотрудничества выполнено. В контексте вопроса о культурной основе обратим внимание на то, что созданы уникальные условия для ее формирования и поддержания. Указанные страны вовлечены сегодня в орбиту влияния геополитического гегемона (США), что создавало для них основу безопасности; у них не было агрессивного соседа, который претендовал бы на их земли; послевоенный мир исключал столкновения внутри Западной Европы. Три страны из L7 до 2022 года включительно не находились в составе блока НАТО и тем самым не были напрямую вовлечены в гонку вооружений. Все это обеспечивало выполнение второго условия построения институтов сотрудничества. Такого сочетания экологических и культурных параметров почти нигде больше не наблюдалось. Этим и обусловлена уникальность про-

гресса стран L7. Однако конфликт на Украине привел к тому, что Финляндия в 2023 году, а Швеция в 2024-м вступили в НАТО, оказались в эпицентре геополитических событий. Уже сегодня можно предположить, что построенные при этом институты сотрудничества будут эволюционировать в направлении более жестких конкурентных режимов. Повторение опыта L7, возможно, и произойдет, но оно будет локальным и неприменимым к основным участникам геополитической системы.

Относительно возможного изменения тренда на сокращение уровня принуждения и насилия в современных обществах можно констатировать следующее. В краткосрочном периоде условия для распространения философии сотрудничества будут неблагоприятными, однако в долгосрочном – ситуация может измениться. По мере угасания влияния США и формирования многополярного мира многие страны будут все активнее экспериментировать со своими социальными моделями, что неизбежно приведет некоторых из них к построению институтов сотрудничества. В этом смысле фрагментация геополитической системы может благотворно сказаться на распространении философии сотрудничества. За пределами предполагаемого срока ничего определенного утверждать нельзя. Тем самым субъективная готовность властей и населения различных стран к введению новых моделей социального взаимодействия может привести к расширению практики проектирования институтов сотрудничества.

Заключение

Предложенная схема движущих сил институтов, основанных на философии сотрудничества, показывает, что главным фактором, ограничивающим ее распространение, является избыточная агрессивность членов общества. При повышенной агрессивности люди склонны конкурировать и воевать, а не искать компромиссы в сложных вопросах. Именно этот фактор был и будет историческим ограничителем философии сотрудничества. Можно ли преодолеть такое ограничение?

Согласно предложенным построениям, ответ на поставленный вопрос будет условно положительным. Условиями при этом выступают благоприятная экология (условия жизни) и гуманистическая культура (жизненные установки и ценности). Совершенствуя указанные две стороны жизни, можно создавать условия для более прогрессивных институтов взаимодействия, основанных

на философии сотрудничества. Однако трудность на этом пути состоит в непредсказуемости экологии и инерционности культуры, которая слишком сопряжена с биологической основой человека. В определенный момент внешние условия в любой стране могут резко ухудшиться и вызвать всплеск агрессивности в качестве реакции на необходимость выжить. Благотворное же действие культуры на нравы людей и снижение их агрессивности в обозримом временном интервале представляется крайне ограниченным, поскольку новые позитивные нормы поведения должны быть закреплены на генетическом уровне, что требует колоссального по нашим меркам времени. Чтобы выйти на желаемое изменение институциональной основы нашей жизни, нам необходимо изменить или хотя бы существенно скорректировать нашу биологическую основу. Этот тезис выглядит не слишком обнадеживающим, но именно ограничением биологической природы с помощью культуры человек и занимался всю историю своего существования. Так что свет в конце туннеля все-таки виден.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Балацкий 2019 – *Балацкий Е.В.* Общая теория социального развития и циклы принуждения // *Общественные науки и современность*. 2019. № 5. С. 156–174.

Балацкий 2024 – *Балацкий Е.В.* Этапы глобализации в истории цивилизаций // *Мир России*. 2024. Т. 33. № 3. С. 170–188.

Давыдов 2023 – *Давыдов А.П.* Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе») // *Философские науки*. 2023. Т. 66. № 4. С. 140–159.

Давыдов 2024 – *Давыдов А.П.* Медиация и конвергентная социальность. К теории социального диалога // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 2. С. 135–159.

Дзоло 2010 – *Дзоло Д.* Демократия и сложность: реалистический подход / пер. с англ. А.А. Калинина, Н.В. Эдельмана, М.А. Юсима. – М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ, 2010.

Кирдина-Чэндлер 2018 – *Кирдина-Чэндлер С.Г.* Западные и незападные институциональные модели во времени и пространстве // *Вопросы теоретической экономики*. 2018. № 1. С. 73–88.

Кирдина-Чэндлер, Холл 2017 – *Кирдина-Чэндлер С.Г., Холл Д.* Кооперация versus конкуренция в трудах российских эволюционистов // *Journal of Institutional Studies* / *Журнал институциональных исследований*. 2017. Т. 9. № 1. С. 6–26.

Плискевич 2023 – *Плискевич Н.М.* Институциональные рубцы в «пограничных» обществах (Часть 2. Институциональные рубцы в

истории российской трансформации и изменения ценностных ориентаций // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 1. С. 60–82.

Полтерович 2015 – Полтерович В.М. От социального либерализма – к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 41–64.

Полтерович 2016 – Полтерович В.М. Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // Вопросы экономики. 2016. № 11. С. 5–23.

Полтерович 2018 – Полтерович В.М. К общей теории социально-экономического развития. Ч. 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. 2018. № 12. С. 77–102.

Полтерович 2021а – Полтерович В.М. Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 52–72.

Полтерович 2021б – Полтерович В.М. Коллаборативные иерархии // Вопросы экономики. 2021. № 7. С. 31–48.

Полтерович 2022а – Полтерович В.М. Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 1. Семерка европейских лидеров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 2. С. 31–43.

Полтерович 2022б – Полтерович В.М. Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 2. Основа лидерства – коллаборативные преимущества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 3. С. 42–57.

Сакс 2022 – Сакс Дж. Эпохи глобализации: география, технологии и институты / пер. с англ. Н. Проценко. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.

Уилсон 2015 – Уилсон Э.О. О природе человека / пер. с англ. Т.О. Новиковой. – М.: Кучково поле, 2015.

Уилсон 2019 – Уилсон Э.О. Смысл существования человека / пер. с англ. О. Сивченко. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019.

Фукуяма 2004 – Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. – М.: АСТ; Ермак, 2004 .

REFERENCES

Balatsky E.V. (2019) General Theory of Social Development and Cycles of Coercion. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. No. 5, pp. 156–174 (in Russian).

Balatsky E.V. (2024) Globalization Stages in the History of Civilizations. *Mir Rossii*. Vol. 33, no. 3, pp. 170–188 (in Russian).

Davydov A.P. (2023) Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society”). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 140–159 (in Russian).

Davydov A.P. (2024) Mediation and Convergent Sociality: Toward a Theory of Social Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2024. Vol. 67, no. 2, pp. 135–159 (in Russian).

Fukuyama F. (2004) *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity* (D. Pavlova, V. Kiryushenko, & M. Kolopotina, Trans.). Moscow: AST (Russian translation).

Kirdina-Chandler S.G. (2018) Western and Non-Western Institutional Models in Time and Geographical Space. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki = Issues of Economic Theory*. No. 1, pp. 73–88 (in Russian).

Kirdina-Chandler S.G. & Hall J.B. (2017) Cooperation versus Competition in Works of Russian Evolutionists. *Journal of institutional studies*. Vol. 9, no. 1, pp. 6–26 (in Russian).

Pliskevich N.M. (2023) Institutional Scars in “Frontier” Societies (Part 2: Institutional Scars in the History of Russian Transformation and Changes in Value Orientations). *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki = Issues of Economic Theory*. No. 1, pp. 60–82 (in Russian).

Polterovich V.M. (2015) From Social Liberalism toward the Philosophy of Collaboration. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. No. 4, pp. 41–64 (in Russian).

Polterovich V.M. (2016) Positive Collaboration: Factors and Mechanisms of Evolution. *Voprosy ekonomiki*. No. 11, pp. 5–23 (in Russian).

Polterovich V.M. (2018) Towards a General Theory of Socio-Economic Development. Part 2: Evolution of Coordination Mechanisms. *Voprosy ekonomiki*. No. 12, pp. 77–102 (in Russian).

Polterovich V.M. (2021a) Crisis of Institutions of Political Competition, Internet, and Collaborative Democracy. *Voprosy ekonomiki*. No. 1, pp. 52–72 (in Russian).

Polterovich V.M. (2021b) Collaborative Hierarchies. *Voprosy ekonomiki*. No. 7, pp. 31–48 (in Russian).

Polterovich V.M. (2022a) Competition, Collaboration, and Life Satisfaction. Part 1: The Seven of European Leaders. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 15, no. 2, pp. 31–43 (in Russian).

Polterovich V.M. (2022b) Competition, Collaboration, and Life Satisfaction. Part 2: The Fundament of Leadership – Collaborative Advantage. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 15, no. 3, pp. 42–57 (in Russian).

Sachs J.D. (2022) *The Ages of Globalization: Geography, Technology, and Institutions* (N. Protzenko, Trans.). Moscow: Gaidar Institute Press (Russian translation).

Wilson E.O. (2015) *On Human Nature* (T.O. Novikova, Trans.). Moscow: Kuchkovo pole (Russian translation).

Wilson E.O. (2019) *The Meaning of Human Existence* (O. Sivchenko, Trans.). Moscow: Alpina non-fiction (Russian translation).

Zolo D. (2010) *Democracy and Complexity: A Realist Approach* (A.A. Kalinin, N.V. Edelman, & M.A. Yusim, Trans.). Moscow: Higher School of Economics Publishing House (Russian translation).